

УДК 811.161.1-112 23

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; Одесса, Украина; e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел.: +38-050-391-66-00

ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТНОШЕНИЯ К БОГАТСТВУ И БЕДНОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

(на материале текстов русских народных сказок)

Аннотация. В статье проводится лингвокультурологический анализ отношения к богатству / бедности в текстах русских народных сказок, результаты которого позволяют сделать вывод о ценностной амбивалентности русского обыденного экономического сознания. Дискурсивное измерение отношения к богатству / бедности отображает идеальную сторону экономического взаимодействия: в сказках через призму поведения героев описывается желаемая, идеальная модель экономического устройства, которая в большинстве случаев расходится с реальностью, однако позволяет определить ценностные ориентиры обыденного русского экономического сознания. Материальное богатство не представляет собой средства повышения значимости, социального статуса личности, однако является заслуженным вознаграждением для того, кто проявляет высокие моральные качества. Отсутствие потребности в достижении материального богатства является одним из условий его получения. Материальное богатство требует своеобразного оправдания от своего владельца: человек, не заслуживающий богатства, лишается его, при этом восстановление справедливости заключается в том, чтобы отнять у недостойного его богатство и отдать бедному, либо «чудесным образом» озолотить заслуживающего материального вознаграждения. Дискурсивное измерение отношения к богатству/бедности в текстах русских народных сказок свидетельствует об аксиологической асимметрии: богатство — греховно и постыдно, богатство — награда за доброе сердце и усердный труд; бедность — страдания и лишения, бедность — знак чистой совести и праведности.

Ключевые слова: сказка, лингвокультурология, аксиология.

Одним из базовых культурных механизмов, наряду с мифом, является сказка [1, с. 8]. «Сказка — это программа, включающаяся в человеческую жизнедеятельность в момент открытого контакта с планом намерений и надежд и, таким образом, определяющая образ всей жизни человека в рамках его культуры» [4, с. 34].

Русские народные сказки (прежде всего волшебные) отражают, вероятно, не только раннехристианское мировоззрение древних восточных славян, но и языческое, поскольку авторы (составители), будучи носителями языка и культуры, непроизвольно отражали в текстах глубоко укоренившиеся в этническом сознании ценности языческого периода. По мнению С. Г. Воркачёва, волшебная сказка представляет собой в каком-то смысле фольклорную «сбычу мечт» русского простолюдина, её сюжеты пришли из незапамятных дохристианских времен язычества, а ее протагонисты являются носителями «обыденного прасознания» русского этноса [2, с. 146].

О взаимосвязи сказки и экономической системы нации говорил ещё В. Я. Пропп, обсуждая отображение сказкой основных экономических реалий определенной эпохи «...(созданная в эпоху другой экономической формации) сказка не соответствует той форме производства, при которой она широко и прочно существует» [5, с. 28]. Объясняя это несоответствие, учёный цитирует К. Маркса: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». В. Я. Пропп замечает, что изменение в идеологии происходит не всегда сразу после изменения экономических основ. Получается «несоответствие», чрезвычайно интересное и ценное для исследователя [5, с. 112]. Оно означает, что сказка создавалась на основе докапиталистических форм производства и социальной жизни, а значит, представляет те фундаментальные культурные конструкты, которые на уровне подсознательного, архетипов определяют современное бытие носителя лингвокультуры.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, русские народные сказки — «опасная» вещь. Они с раннего детства внушают нам простую мысль: быть богатым — плохо, а быть бедным — хорошо, потому что в русских сказках все богатые плохие, а все бедные хорошие. Отсюда пренебрежительное отношение к любым материальным благам как типичная характеристика русского сознания, русской культуры, совершенно непонятная и загадочная для англоязычных культур. «Именно поэтому когда-то русские купцы, а сейчас «новые русские» так беззаботно сорят деньгами. «Новые русские» определяются не количеством денег, не счетами в банке — богатые люди есть во всех странах и у всех народов, а отношением к деньгам, тем, как легко они расстаются со своим богатством» [10, с. 55].

Лингвокультурологический анализ 30 русских народных сказок (материал взят из сборника «Русские народные сказки», 1997) с целью выявления основных дискурсивных средств, иллюстрирующих отношение к богатству / бедности в русском языковом сознании, построен с опорой на непосредственное содержание сказки, подтекст, морали, обращенную к читателю / слушателю, а также структурные и композиционные особенности объективации отношения к богатству / бедности в сказочном дискурсе.

Отметим, что дискурсивное измерение отношения к богатству / бедности отображает идеальную сторону экономического взаимодействия древних восточных славян: в сказках через призму поведения героев описывается желаемая, идеальная модели экономического устройства, которая в большинстве случаев расходится с реальностью, однако позволяет определить ценностные ориентиры обыденного экономического сознания.

Отмечаемое многими исследователями русского национального характера определенное равнодушие русских к деньгам и материальным ценностям [6; 7; 8] находит свое отражение в текстах русских народных сказок. Признается приоритет духовного совершенствования: не может быть высшей целью жизни стремление к выгоде, материальным благам. Тем не менее, в качестве вознаграждения «духовно возросший» герой получает не только жену, душевное спокойствие, уважение окружающих, но нередко и значительные материальные блага. В самом деле, концовка сказки «*И царь озолотил Ивана, дал ему земли надел, да ещё доброго коня в придачу*» («Сказка об Иване-Дураке») является практически хрестоматийной.

В то же время стремление к материальным ценностям, деньгам часто высмеивается. В основном, это касается представителей крестьянства, среднего класса и особенно духовенства, которые в таких ситуациях зачастую показаны как недалёковидные и алчные люди: «*Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесёт гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить*»:

— *Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!*

Вот один раз пришёл к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— *Послушай, проклятый, — говорит ему, — откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?»* («Жадный поп»).

Такие черты русского национального характера, как нестяжательность, коллективизм, большей частью пассивности в достижении собственного благополучия [5, с. 18], ярко и даже гиперболически отображены в мотивах русских народных сказок. В сказках «Сивка-Бурка», «Волшебный конь», «Волшебное кольцо», «Несмеяна-царевна» герой не стремится к приобретению собственности, а, получив ее, — к приумножению. К примеру, герой сказки «Царевна и батрак» отказывается от несметных богатств в награду за спасение царевны, прося взамен волшебное кольцо, дающее иные блага: «*Не требуется мне ни золота, ни серебра, ни камней самоцветных: коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой; стану на колечко почаще поглядывать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять*» («Царевна и батрак»).

Наоборот, при первой же возможности он отдаёт материальные блага, которые в современной экономической и правовой парадигме считаются принадлежащими ему по праву, не испытывая при этом каких-либо сожалений. «*Мартынка выпросил телегу с лошадей и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое?*

— *А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют её палками; собака рвётся, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:*

— *Братцы! За что вы бедного пса так бьёте немилостиво?*

— *Да как его, проклятого, не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины испортил!*

— *Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.*

— *Пожалуй, купи, — говорит один мужик шутя, — давай сто рублей.*

— *Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой».*

Интересно, что такое поведение не находит одобрения у окружающих, даже близких герою людей. В сказке «Волшебное кольцо» мать ругает Мартынку за то, что он, отдав заработанные деньги, чтобы спасти кота и собаку, не принёс ничего на обед: «*Нам самим есть нечего; нынче последние поскребышки по закромам собрала да лепёшку спекла, а завтра и того не будет! Завтра искупи хлеба, а задаром денег не*

бросай».

Характерным для русских сказок является отношение к деньгам как ко злу. Например, в сказке «Несмеяна-Царевна» главный герой, случайно потеряв свой небольшой заработок, не огорчается по этому поводу, считая, что деньги счастья не приносят: «... жил честный работник: по утрам он двор убирал, вечерами скот выпасал, в беспрестанных был трудах. Хозяин его — человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол: — Бери, — говорит, — сколько хочешь! А сам в двери и вышел вон. Работник подошел к столу и думает: как бы не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал ее в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно. Остался бедняк ни при чем. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет. — Все, — говорит, — бог посылает; знает, кому что давать... Видно, я худо рачил, мало трудился, теперь стану усердней!» («Несмеяна-Царевна»). Культивируется смирение, отсутствие сожалений по поводу отсутствия большого заработка, потери денег, что во многих сказках объясняется актом Божьей воли — «видимо, несправедливо, чтобы у меня столько денег было» («Несмеяна-Царевна»); деньги (богатства) — они греховны и постыдны, не несут счастья.

В русских народных сказках отсутствует мотив, широко пропагандируемый в современном капиталистическом мире, — отношение к деньгам как к средству достижения свободы, уважения, статуса. Наоборот, не имеющий денег часто показан как более свободный и уважаемый человек («Никита Кожемяка»), в то время как наличие материальных ценностей заставляет человека беспокоиться об их сохранности, делает его несвободным человеком. Например, в сказке «Барин и лакей» богатч не может выехать из дому, так как боится, что соседи украдут его пшено: «Да как же, ведь покрадут, окаянные, всё пшено моё!» («Барин и лакей»). Решение проблемы лакеем — скармливание пшена птицам и скоту — «развязывает руки» барину, он едет на приём к царю, где получает вознаграждение.

Значительный интерес представляет тема выбора в русских народных сказках. В частности, в сказках о богатырях герой оказывается на распутье, предлагающем ему материальное богатство, славу, власть либо значительные потери («коня потеряешь», «смерть найдёшь»). Примечательно, что мотив, побуждающий героя выбрать именно этот путь, — отсутствие властных амбиций и потребности в материальных благах: «Богатство мне не нужно, царём — да куда мне царём!...» («Сказка о Богатыре и Змее-Горыныче»). Впоследствии выбор такого пути неизменно вознаграждается как материальными, так и духовными ценностями. Выбор же альтернативы — материального — приводит к неудаче: «И стала Марьюшка женой Финиста — Ясна сокола, а сестры ее золотобюные умерли от зависти» («Финист — Ясный сокол»).

Известная в русской лингвокультуре формула «богатство не приносит счастья» находит свое отражение и в текстах русских народных сказок. Причем обладание богатством не только наказывается, но оно изначально представляется неспособным принести духовное счастье. Часто встречающийся персонаж Кошей Бессмертный, несмотря на все свои богатства, постоянно стремится получить «духовную» радость — любовь, редкую вещь либо красивую жену («Кошей Бессмертный»),

В социальной стратификации богатство поощряется только у высшего собственника, наделенного властью Богом — царя. Богатство вельмож и представителей более низкого социального статуса порицается и высмеивается. Приветствуется добровольное «освобождение» от богатства, которое представляется как духовное совершенствование. «Жил-был купец, и много богатств у него было и злата, и серебра, и шелков несметных. Всё было, а жены не было. В один день решил купец пойти по свету жену искать. Закрыв он свои лавки, товары отдал, а из злата только и оставил себе что на краюху хлеба» («Марья-царевна»).

Аксиологический подход к концептуализации богатства на материале русских сказок подтверждает мнение учёных о том, что в сознании носителя русской культуры богатство требует своеобразного «оправдания» [3]. Возможно, необходимость прохождения тяжёлого пути духовного совершенствования является единственным справедливым оправданием богатства. В этом прослеживается отношение к богатству как к значительному фактору общественной жизни, источнику власти, который должен находиться в руках духовно развитой личности. Лишь «трое бабмаков железных износив, трое посохов железных изломав, трое колпаков железных порвав», герой получает желаемое — зачастую нематериальный объект — любовь: «Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидала: продай да продай! — Продай не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть» («Финист — Ясный сокол»), счастье и благополучие близких: «Воротился Иван-крестьянский сын домой, и на цареву награду хлеба накупил, избу новую выстроил, и стали они жить как раньше» («Иван — крестьянский сын»). Отсутствие потребности в достижении материального богатства является одним из условий его получения. Следует отметить, что это касается лишь материальных ценностей — стремление же к духовному богатству, понимаемому как доброта, искренность, готовность прийти на помощь, эстетическое наслаждение, всегда поощряется.

Вышесказанное относится к главным героям сказок — идеальным прототипам. В «земном» же, реальном мире богатство часто приравнивается к таким понятиям, как счастье, радость, благополучие: «...его дочь весёлая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками. Старик обрадовался...», «...старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...», «...старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут...» («Морозко»). В то же время богатство само по себе не является гарантией счастья: «В царских палатах, в князьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житьё, какое приволье, роскошь! Всего много, всё есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, не смеялась, словно сердце её ничему не радовалось» («Несмеяна-царевна»).

Удачная женитьба и замужество выступают средством повышения социального статуса и улучшения материального положения: «Воротится сынок, а через год-другой поправим хозяйство, приглядим хорошую невесту, женим его и заживём не хуже людей» («Хитрая наука»); «Женился он на Василисе-царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии» («Жар-птица и Василиса-царевна»); «Старик выдал свою дочь замуж за хорошего жениха, и стали они жить-поживать да добра наживать» («Дочь и падчерица»).

Таким образом, в русском языковом сознании материальное богатство связывается с радостью и

счастьем, но зачастую им незаслуженно, несправедливо обладает человек, которого характеризуют такие черты, как алчность, отсутствие стыда, совести, моральная нечистоплотность. Восстановление справедливости заключается в том, чтобы отнять у недостойного его богатство и отдать бедному, либо «чудесным образом» озолотить заслуживающего материального вознаграждения.

Бедность в русских сказках воспринимается как обыденная ситуация для героя — будущего духовного лидера — и является условием достижения уважения в обществе. Бедность зачастую служит импульсом к действию — отсутствие еды в доме заставляет героя отправляться в дорогу, где он проходит различные испытания. «В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартышка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью питал. Пришло время — заболел старик и умер. Мартышка с матерью потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротить. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был. Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься.... Пошёл Мартышка в соседнее село искать работы...» («Волшебное кольцо»). Однако смирение с собственной бедностью не вызывает порицания — зачастую такие герои показаны как уважаемые и достойные люди («Мудрая жена»). Вместе с тем богатство часто служит наградой за хорошую службу, высокий духовный уровень, и даже за бедность и отказ от богатства: «За отвагу свою и за то, что на богатство не покусился, а жил скромно, как все люди, наградила его царь сполна: и земли дал, и скотины, и денег 1000 золотых» («Сказка о Богатыре и Змее-Горыныче»).

Проблема бедности простого русского народа в сказках разрешается двумя путями: либо материальным вознаграждением, либо констатацией того, что бедная, но дружная (коллективная) жизнь лучше царских палат. Иначе говоря, идея бытовой скромности, непритязательности, небольшого достатка тесно переплетается в сказках с ценностями коллективизма.

Как видим, отношение к богатству и бедности амбивалентно и зависит от нескольких факторов: моральных качеств обладателя богатства, перенесенных им испытаний, его отношения к обогащению. Открытое стремление к богатству, материальным ценностям в сказках наказывается, тогда как добровольный отказ от них при условии прохождения определённых испытаний (нравственно и духовно развивающих героя) вознаграждается как морально, так и материально. Таким образом, в иерархии ценностных идеалов русского экономического сознания богатство играет второстепенную роль и представляет собой награду за усердный труд, чистую совесть и доброе сердце.

Литература

1. Алеценко Е. И. Когнитивные аспекты языка русской народной сказки: учеб. пособие / Елена Ивановна Алеценко. — Волгоград: Перемена, 2006. — 151 с.
2. Воркачёв С. Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре: монография / С. Г. Воркачёв. - Волгоград: Парадигма, 2011. — 203 с.
3. Воркачёв С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачёв. — Краснодар: Кубан. гос. техн. ун-т, 2002. — 142 с.
4. Помаранцева Е. У. Судьба русской сказки / Е. У. Помаранцева. — М.: Наука, 1977. — 156 с.
5. Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки / В. Я. Пропт. — М.: Лабиринт, 2001. — 144 с.
6. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. — М.: Флинта: Наука, 2004. - 328 с.
7. Русское культурное пространство: лингвокультурол. слов. Вып. 1 / под ред. И. С. Брилёвой [и др.]. — М.: Гнозис, 2004. — 320 с.
8. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелёв. — М.: Языки славян, культуры, 2002. — 224 с.
9. Русские народные сказки: сборник / ред., сост. В. В. Безбожный. — Ростов н/Д: ЗАО «Книга», 1997. — 544 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики : учеб. пособие/ С. Г. Тер-Минасова.- М.: АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. — 286 с.

References

1. Aleschenko E. I. Kognitivnyye aspekty yazyika russkoy narodnoy skazki : ucheb. posobie / E. I. Aleschenko. — Volgograd : Peremena, 2006. — 151 s.
2. Vorkachev S. G. Chto est chelovek i chto polza ego: ideya smysla zhizni v lingvokulture : monografiya / S. G. Vorkachev. - Volgograd : Paradigma, 2011. — 203 s.
3. Vorkachev S. G. Kontsept schastyia v russkom yazykovom soznanii : opyt lingvokulturologicheskogo analiza / S. G. Vorkachev. - Krasnodar : Kuban, gos. tehn. un-t, 2002. — 142 s.
4. Pomarantseva E. U. Sudba russkoy skazki / E. U. Pomarantseva. — M.: Nauka, 1977. — 156 s.
5. Propp V. Ya. Morfologiya volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. — M.: Labirint, 2001. — 144 s.
6. Sergeeva A. V. Russkie: stereotipy povedeniya, traditsii, mentalnost / A. V. Sergeeva. — M.: Flinta: Nauka, 2004. - 328 s.
7. Russkoe kulturnoe prostranstvo: lingvokulturolog. slov. / pod red. I. S. Brilevoy [i dr.]. — M.: Gnozis, 2004. — Vyp. 1. - 320 s.
8. Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya model mira : materialy k slovari / A. D. Shmelev. — M.: Yazyki slavyan. kultury, 2002. — 224 s.
9. Russkie narodnyie skazki: sbornik / red., sost. V. V. Bezbozhnyy. — Rostov n / D : ZAO «Kniga», 1997. — 544 s.
10. Ter-Minasova S. G. Voyna i mir yazykov i kultur: voprosy teorii i praktiki : ucheb. posobie/ S. G. Ter-Minasova. — M.: AST : Astrel: Hranitel, 2007. — 286 s.

Яроцька Галина Сергіївна,

кандидат філологічних наук, доцент кафедри прикладної лінгвістики Одеського національного університету імені І.І. Мечникова; Одеса, Україна;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; тел.: +38 050 3916600

Дискурсивний вимір ставлення до багатства та бідності в російській лінгвокультурі (на матеріалі текстів російських народних казок)

Анотація. У статті запропоновано лінгвокультурологічний аналіз ставлення до багатства / бідності в текстах російських народних казок, результати якого дозволяють дійти висновку про ціннісну амбивалентність російської буденної економічної свідомості. Дискурсивний вимір ставлення до багатства / бідності відображає ідеальну сторону економічної взаємодії: у казках крізь призму поведінки героїв описується бажана модель економічного устрою, яка в більшості випадків відрізняється від реальності, проте дозволяє визначити ціннісні орієнтири буденної економічної свідомості. Матеріальне багатство не вважається засобом підвищення значущості, соціального статусу особистості, проте є заслугою винагородою того, хто проявляє високі моральні якості. Брак потреби в досягненні матеріального багатства є однією з умов його отримання. Матеріальне багатство вимагає своєрідного виправдання від свого власника: людина, що не заслуговує на багатство, позбавляється

його. Проте відновлення справедливості полягає в тому, щоб відібрати у негідника його багатство та віддати бідному або «дивним чином» озолотити того, хто заслуговує на матеріальну винагороду. Дискурсивний вимір ставлення до багатства / бідності у текстах російських народних казок свідчить про аксіологічну асиметрію: бути багатим гріховно й соромно, водночас багатство — винагорода за добре серце та старанну працю; бідність вказує на страждання й лихо, водночас бідність — знак чистої совісті й праведності.

Ключові слова: казка, лінгвокультурологія, аксіологія.

Galina S. Yarotskaya,

PhD in Philological Sciences, Associate Professor of the Applied Linguistic Department of Odessa I.I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; phone: +38 050 3916600

Discursive analyze of attitude to the wealth and poverty in the text of Russian folk tales

Summary. In the article we analyze linguistic and cultural attitude to the wealth / poverty in the texts of Russian folk tales. The results of the analysis allow us to make a reasonable conclusion about the axiological ambivalence of ordinary Russian economic perception. Discursive cognition in relation to the wealth / poverty reflects the ideal side of economic interaction. For example, in the Russian fairy tales the desired, ideal economic model, which in most cases differs from the reality, is described through the behavior of the characters. However it is well to determine the value systems of ordinary Russian economic perception. Material wealth does enhance the importance or the social status of the individual, but at the same time it is a well-deserved reward for the one who has good moral character. The absence of need to pursue the material wealth is one of the conditions of gaining it. Material wealth requires a kind of justification by its owner in the eye of the people: the man who does not deserve the wealth, must be deprived of it, while the restoration of justice means to take away from the unworthy his wealth and give it to the poor, or «miraculously» to make the worthy rich giving him a financial reward. Discursive cognition in relation to wealth / poverty in the texts of Russian folk tales indicates axiological asymmetry: the wealth — is sinful and shameful, the wealth is a reward for good heart and hard work; poverty is a suffering and deprivation, poverty is a sign of pure conscience and righteousness.

Key words: fairy tale, cultural linguistics, axiology.

Статтю отримано 12.05.2014 р.